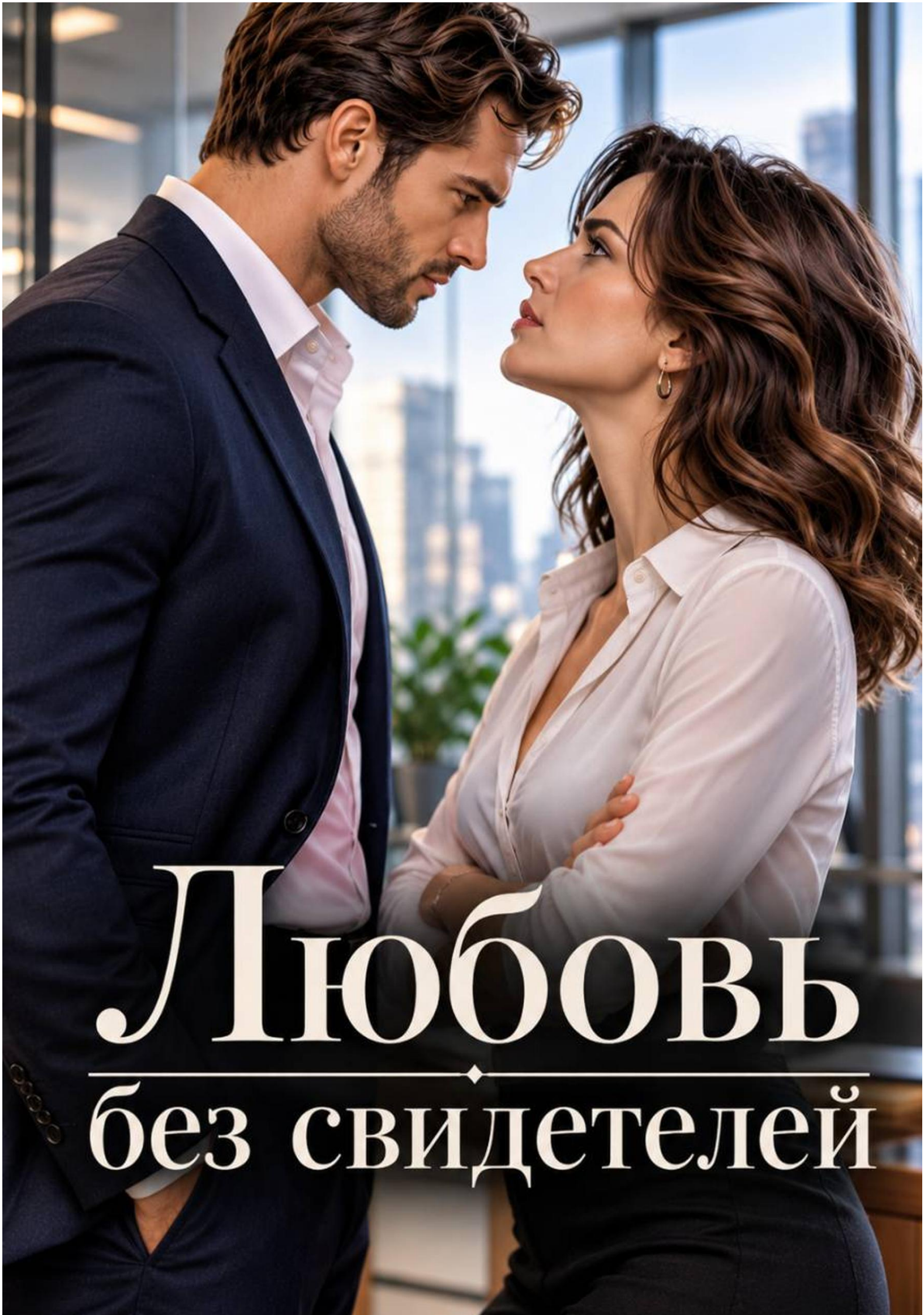
Любовь
без свидетелей

Наталья Роевских

Любовь без свидетелей

«Автор»
2026

Роевских Н.

Любовь без свидетелей / Н. Роевских — «Автор», 2026

Днем они враги. Ночью – самые близкие люди. И только один из них знает правду.Три года назад технический директор Филипп Грановский одним письмом совету директоров похоронил проект Кати Королевой. Теперь им приказано вместе запустить приложение, которое Катя придумала для своего отца. Он – педант, который всегда прав. Она – огонь, который не умеет отступать. Каждая планерка превращается в поле боя.А по ночам Катя пишет незнакомцу в анонимном приложении «Между нами». Граф понимает ее с полуслова, смешит, утешает – и помогает придумать, как победить ненавистного Грановского. Он единственный, кому она может рассказать все. Даже о том, как от прикосновения врага у нее подгибаются колени.Она не знает, что Граф сидит напротив нее на каждом совещании.Он знает. И чем дольше молчит, тем страшнее признаться.Роман о любви, которая начинается в темноте, и о смелости сказать правду в лицо. При свете. При свидетелях.

© Роевских Н., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВРАГ 5
ГЛАВА 1. ИСКРА 5
ГЛАВА 2. ТРИ ГОДА НАЗАД 10
ГЛАВА 3. НЕВОЗМОЖНЫЙ ПАРТНЕР 15
ГЛАВА 4. ГРАФ 19
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Наталья Роевских
Любовь без свидетелей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ВРАГ

ГЛАВА 1. ИСКРА

Катя

Есть два вида тишины после презентации.

Первая – плотная, теплая, как воздух в зале, где только что аплодировали. В ней хочется остаться подольше и запомнить ее на всю жизнь.

Вторая – та, в которой кто-то собирается задать вопрос. И не факт, что приятный.

Я закончила последний слайд – фотография моего отца, сделанная украдкой на даче: он сидит на крыльце, щурится на солнце, рядом таблетница с днями недели, в которой среда пустая, а четверг почему-то заполнен дважды, – и сказала то, что репетировала сорок раз перед зеркалом в ванной:

– «Рядом» – это не приложение. Это человек, который напомнит. Когда нас самих рядом нет.

Первая тишина длилась секунды три. Виктор Андреевич Громов, генеральный директор, откинулся в кресле и медленно кивнул. Финансовый директор перестал листать телефон. Даже Сергей Палыч из юридического, который на всех советах выглядел так, будто мысленно составляет на присутствующих иск, – даже он посмотрел на фото моего отца чуть дольше, чем требовала вежливость.

А потом наступила вторая тишина.

Я узнала ее раньше, чем увидела руку. Так собака знает, что сейчас будет гроза.

– Екатерина, – произнес Филипп Грановский. – Можно уточнить одну деталь?

Он сидел в конце стола, у окна, и сентябрьское солнце очень несправедливо выбрало именно его, чтобы подсветить широкие плечи и шикарную шевелюру. Темно-серый пиджак, белая рубашка, никакого галстука – Грановский был из тех людей, которым галстук не нужен, потому что они и так выглядят застегнутыми на все пуговицы. Технический директор. Человек с голосом, которым можно резать стекло. Человек, который три года назад одним письмом закрыл мой проект.

– Конечно, Филипп, – улыбнулась я. Улыбка у меня рабочая, отполированная, точно выверенная. – Уточняйте.

– Вы называете дату запуска – пятнадцатое ноября. – Он даже не заглянул в бумаги. Он вообще редко куда-то заглядывал, кроме глаз собеседника, и это было отдельным видом пытки. – Это шесть недель. Мои люди оценивают объем работ в двенадцать. Вы закладываете интеграцию с аптечными сетями, уведомления родственникам и голосовые напоминания для слабовидящих. Каждый пункт – отдельный риск. Откуда шесть?

Сергей Палыч оживился. Финансовый директор вернулся к телефону, но так, чтобы слышать.

– Шесть – потому что в декабре у пожилых людей начинается сезон простуд, – ответила я. – И каждый из них пьет на две-три таблетки больше обычного. Если мы выходим в январе, мы пропускаем момент, когда приложение нужнее всего.

– Если мы выходим в ноябре с ошибкой, – так же ровно сказал он, – приложение напомнит человеку выпить лекарство дважды. Или не напомнит вовсе. Это не тот продукт, где можно выпустить сырую версию и извиниться в обновлении.

– Никто не предлагает выпускать сырую версию.

– Вы предлагаете выпускать ее через шесть недель. Это одно и то же.

Я почувствовала, как у меня начинают гореть уши. Это была моя главная предательская особенность с первого класса: все лицо держит оборону, а уши сдаются первыми.

– Филипп, – сказала я ласково, как говорят с очень упрямыми детьми и очень дорогими кофемашинами, – если ваши люди оценивают работу в двенадцать недель, может быть, стоит обсудить не мои сроки, а их производительность?

Кто-то у стены – кажется, Дашин стажер – издал звук, похожий на подавленный кашель.

Грановский чуть наклонил голову. Не улыбнулся – он вообще улыбался так редко, что в компании про это ходили легенды, – но в уголке рта мелькнуло что-то, что у нормального человека называлось бы интересом.

– Можно обсудить, – согласился он. – Предлагаю начать с вашего техзадания. Двадцать шесть страниц, из них слово «магия» встречается дважды.

– Это метафора.

– Сервер не понимает метафор.

– Сервер, может, и не понимает. Люди понимают.

– Люди, Екатерина, будут очень благодарны метафоре, когда в три часа ночи их маме придет уведомление «пора принять варфарин» в третий раз.

Тишина номер два превратилась в нечто среднее между дуэлью и теннисным матчем. Громов переводил взгляд с меня на него, и мне очень не понравилось выражение его лица. Так смотрят люди, которые уже что-то решили.

– Хорошо, – сказал он наконец и хлопнул ладонью по столу. – Я услышал обоих. Перерыв пятнадцать минут. Екатерина, Филипп – после перерыва зайдите ко мне. Вдвоем.

«Вдвоем» прозвучало как… приговор, вынесенный сразу двум подсудимым.

* * *

Кофе в нашем офисе бывает трех видов. Из автомата на первом этаже – для тех, кто не дорожит жизнью. Из кофейни внизу – для тех, кто не дорожит деньгами. И из маленькой кофемашины в переговорной «Байкал», о которой знают только пять человек во всей компании.

Я была одной из пяти.

У кофемашины было четыре режима крепости: «легкий», «нормальный», «крепкий» и «очень крепкий». Я выбрала «очень крепкий», хотя и знала, что потом пожалею – сердце и так колотилось перед непростым разговором, – и пошла к Громову длинным коридором, тренируя на ходу аргументы.

Шесть недель реальны. Если урезать голосовые напоминания до второй версии. Если Грановский даст мне хотя бы двух людей из своей команды, а не будет вести себя, как собака на сене. Если…

Я свернула за угол – и врезалась в стену.

Стена была теплой, пахла чем-то холодным и древесным – кедр? можжевельник? – и вздрогнула, когда на нее выплеснулось двести миллилитров горячего кофе.

– Черт, – сказала стена голосом, которым можно резать стекло.

Я почувствовала, что падаю – каблук поехал по мокрому полу, – и в ту же секунду на моей талии оказалась ладонь. Крепкая, уверенная, очень горячая сквозь тонкую ткань блузки. Ладонь удержала меня так легко, как будто я весила не больше своего стаканчика, и задержалась на две секунды дольше, чем требовалось для спасения.

Две секунды. Я их посчитала. Потом, ночью, я буду ругать себя именно за то, что посчитала.

Я подняла глаза.

Вблизи Филипп Грановский выглядел иначе, чем за столом совета. За столом он был функцией – холодной, точной, неприятной. Вблизи у функции оказались серые глаза с темным ободком, крохотный шрам над бровью и ресницы, которые совершенно не подходили к его характеру. Длинные. Почти неприлично длинные для человека, который только что публично назвал мое техзадание магией.

А еще у него была мокрая рубашка – очень мокрая. На белой ткани расплывалось кофейное пятно, ткань прилипла к груди, обрисовав… Так, стоп. Нет-нет-нет. Мы на работе, и смотреть надо в глаза. Смотри ему в глаза, Королева.

– Вы в порядке? – спросил он. Ладонь все еще была на моей талии.

– Я – да, – сказала я. – А вот ваша рубашка, кажется, нет.

Он посмотрел вниз. Потом снова на меня. Ладонь, наконец, исчезла, и моему боку сразу стало холодно, что было возмутительно со стороны моего бока.

– Это была месть за «магию»? – спросил он.

– Если бы это была месть, – ответила я, – я бы добавила сироп в кофе. И тогда рубашка была бы еще и липкой.

И вот тут это случилось. Угол его рта дрогнул, и Филипп Грановский – человек, чья улыбка в компании считалась чем-то вроде северного сияния в южных широтах, – почти улыбнулся. Почти. Это длилось меньше, чем ладонь на моей талии, но я увидела. Улыбка у него оказалась кривоватой, левый угол рта поднимался выше правого, и от этого лицо становилось моложе лет на десять и опаснее лет на двадцать.

– Крепкий, – сказал он, глядя на пятно. – Очень крепкий.

– Откуда вы…

– Цвет. И запах. – Он кивнул на свою грудь. – Насыщенные.

Я открыла и закрыла рот. Человек, который за три года не запомнил, что мой отдел называется «продуктовый», а не «маркетинговый», определил мой кофе по пятну на собственной рубашке.

– Вам нужно переодеться, – сказала я самым деловым тоном, на какой была способна. – И быть у Громова через десять минут.

– У меня в кабинете есть запасная.

– Конечно, есть. – Я не удержалась. – Вы похожи на человека, у которого есть запасная рубашка. И запасной зонт. И запасной план на случай, если кто-то будет счастлив без согласования.

Он посмотрел на меня долгим взглядом. Тем самым, которым смотрел на совете, – спокойным, внимательным, на секунду дольше, чем удобно.

– А вы похожи на человека, – сказал он, – у которого запасного плана нет. Поэтому я и волнуюсь за ваш запуск.

И ушел.

Я стояла посреди коридора с пустым стаканчиком, с мокрыми туфлями и с ощущением чужой ладони на талии, которое никак не желало проходить. Мимо прошла Даша, моя заместительница, остановилась, посмотрела на лужу, на меня, на удаляющуюся спину Грановского.

– Екатерина Петровна, – шепотом спросила она, – вы что, его облили?

– Он сам облился, – сказала я. – Об меня.

Даша моргнула.

– Если что, – сказала она, – я ничего не видела. Но в общий чат уже кто-то выложил.

– Что выложил?

Даша протянула мне телефон. На экране было размытое фото: моя спина, его мокрая грудь и подпись: «Королева объявила войну. Счет 1:0».

Королевой меня называли за глаза с первой недели. Отчасти из-за фамилии, отчасти из-за привычки ходить по офису так, будто он мой. Я никогда не обижалась. Королева – это хотя бы не «эта, из продуктового».

– Счет неверный, – сказала я. – Один – ноль было на совете. Это уже два – ноль.

* * *

Кабинет Громова напоминал кабинет человека, который в молодости мечтал стать капитаном дальнего плавания, а стал генеральным директором и до сих пор немного на это обижен. Модель парусника на полке. Барометр на стене. Карта Северного морского пути в рамке – Громов ни разу там не был, но говорил о нем с нежностью.

Грановский пришел ровно через десять минут – в свежей рубашке, голубой, идеально выглаженной. Конечно. Он сел в кресло слева, я – справа, и между нами оказался журнальный столик с вазочкой батончиков «Рот Фронт», которые Громов держал для посетителей, но никогда не предлагал.

– Значит, так, – сказал Громов, глядя в окно. – Я двадцать лет руковожу людьми. За эти годы я понял одну вещь: самые лучшие продукты получаются у тех, кто друг друга терпеть не может.

– Виктор Андреевич… – начала я.

– Я не закончил, Катя. – Он повернулся. – У вас, Екатерина, – видение. Люди за вами идут, вы умеете продавать, вы умеете зажечь. Но вы торопитесь. Вы всегда торопились. «Компас» вы тоже торопили.

Я почувствовала, как левое ухо начинает гореть. Потом правое.

– У вас, Филипп, – продолжал Громов, – голова. Вы видите риски, которых не видит никто. Но вы их видите так много, что из-за них не видно продукта. Если бы решения принимали только вы, мы бы до сих пор выпускали калькулятор.

Грановский ничего не сказал. Только чуть сжал челюсть – я заметила, потому что смотрела на него краем глаза. Совершенно случайно. Исключительно в целях наблюдения за противником.

– Поэтому, – Громов выдержал паузу, достойную капитана дальнего плавания, – «Рядом» вы запускаете вместе. Совместное руководство. Равные права. Равная ответственность. Все решения – только вдвоем. По срокам договариваетесь сами, но через три недели я хочу видеть общий план на совете директоров.

– Это невозможно, – сказали мы с Грановским одновременно.

Громов просиял, как будто ему подарили еще один барометр.

– Вот видите. Уже синхронно. – Он встал, давая понять, что разговор окончен. – И чтобы не было иллюзий. Если через три недели я увижу два плана вместо одного – или, не дай бог, войну в общем чате, – я найму внешнюю команду. А вы оба будете искать работу. Вместе или по отдельности, мне все равно.

Он взял со столика батончик, развернул, откусил.

– Свободны.

* * *

В коридоре мы остановились у окна. Москва внизу была по-сентябрьски золотой и деловой, в Сити сверкали стекла, в небе висело облако, которое явно никуда не спешило. Хорошо ему.

– Ну что, – сказала я, не глядя на Грановского. – Поздравляю нас.

– С чем? – спросил он.

– С браком по расчету.

Он помолчал. Я чувствовала его рядом – не видела, а именно чувствовала, как чувствуют тепло от батареи, не прикасаясь к ней. И это было неправильно. Совершенно неправильно.

Человека, который разрушил твою карьеру, полагается чувствовать как сквозняк. Как зубную боль. Как что угодно, только не как тепло.

– Завтра в девять, – сказал он наконец. – «Байкал». Принесите техзадание. Без магии.

– В девять у меня планерка.

– Тогда в восемь.

– В восемь я еще не человек.

– Тогда в семь вечера. – Он повернулся ко мне, и мне пришлось поднять голову, потому что он был выше на целую неприличную голову. – Работаем, пока не договоримся. Хоть до ночи.

«Хоть до ночи» он произнес абсолютно деловым тоном. Абсолютно. Это мое воображение, распущенное и плохо воспитанное, зачем-то положило эти три слова на отдельную полочку и подписало.

– Хорошо, – сказала я. – В семь. И в «Байкале», кстати, кофемашина выдает приличный кофе.

– Только держите его, пожалуйста, подальше от меня.

– Не обещаю, – сказала я и пошла по коридору, стараясь, чтобы каблуки стучали уверенно.

У поворота я не выдержала и оглянулась.

Он все еще стоял у окна и смотрел мне вслед. Не на Москву, не в телефон, не на облако, которое никуда не спешило. На меня.

Когда наши взгляды встретились, он не отвел глаз.

Это я отвела.

Счет, – подумала я, заворачивая за угол, – два – один.

И мне совсем не понравилось, что он отыгрывает позиции.

ГЛАВА 2. ТРИ ГОДА НАЗАД

Катя

Даша плакала в переговорной «Ладога» тихо и аккуратно, как плачут хорошие девочки, которых в детстве учили не мешать взрослым.

Я заметила ее случайно – через стеклянную стену, когда шла с распечатками к принтеру. Она сидела спиной к двери, плечи вздрагивали, перед ней лежал открытый ноутбук с нашим планом запуска. Тем самым планом, в котором еще утром было шесть недель, а теперь, после разговора у Громова, появилась жирная красная пометка: «Согласовать с Грановским».

Я вошла и закрыла дверь.

– Даш.

Она вздрогнула, быстро вытерла щеки тыльной стороной ладони и сделала самое бодрое лицо, какое умела.

– Екатерина Петровна, я тут… просто аллергия. На кондиционер.

– Кондиционер выключен с августа.

– Значит, на его отсутствие.

Я села рядом. Даше было двадцать шесть, она пришла ко мне стажеркой четыре года назад, и я до сих пор помнила ее первый рабочий день: она перепутала этажи, опоздала на совещание на сорок минут и все это время просидела в серверной, потому что постеснялась спросить дорогу у «страшных программистов». Теперь она сама руководила тремя людьми, вела аналитику «Рядом» и ни разу за последний год не плакала на работе.

– Это из-за Громова? – спросила я.

Даша помолчала. Потом сказала, глядя в ноутбук:

– Это из-за того, что я уже это видела. – Она подняла на меня глаза. – Вы помните, как было с «Компасом»? Тоже был совет. Тоже Грановский. Тоже «давайте согласуем». А потом в один день приходим – а команды нет. Игоря нет, Марины нет, Славика нет. Пропуска не работают. А вы… – Она осеклась.

– А я год сидела на отчетах, – договорила я. – Можешь говорить. Я не стеклянная.

– Я не хочу снова, – сказала Даша, и голос у нее все-таки сломался на последнем слове. – Я не хочу, чтобы «Рядом» тоже… Это же ваш папа на последнем слайде. Я же знаю.

Я обняла ее за плечи. Она пахла яблочным шампунем и усталостью, и мне вдруг захотелось кого-нибудь убить. Желательно кого-то, чье имя начинается на Ф.

– Слушай меня, – сказала я. – Три года назад я была моложе и глупее. Я не ожидала удара, поэтому его пропустила. Сейчас я его жду. Понимаешь разницу?

– Понимаю, – шмыгнула Даша.

– «Рядом» выйдет. Не через шесть недель, так через восемь. Но выйдет. И никто из моей команды не останется без пропуска. Я тебе обещаю.

Я сказала это твердо. Так твердо, что сама почти поверила.

Даша кивнула, вытерла нос рукавом свитера – по-детски, совершенно не по-руководительски – и улыбнулась.

– Екатерина Петровна. А это правда, что вы его кофе облили?

– Неправда, – сказала я. – Он сам облился. Об меня.

– В чате пишут, что вы, причем нарочно. И он еще потом вам полчаса вслед смотрел.

– В чате пишут много глупостей.

Я встала, взяла распечатки и пошла к двери. У двери обернулась:

– Полчаса?

– Ну, может, минут двадцать, – пожала плечами Даша. – Я не засекала.

* * *

– Двадцать минут, – сказала Лена, – это много. Это очень много. Это, Кать, почти половина серии.

Мы сидели у меня на кухне на Бауманской, в моей маленькой двушке с огромным подоконником, ради которого я ее когда-то и купила. На подоконнике стояли бутылка совиньон блан, тарелка с сыром, который Лена принесла «на всякий случай», и мой ноутбук, который я так и не открыла, хотя собиралась поработать.

Лена была моей подругой со второго курса. Она работала стоматологом, говорила правду так же, как сверлила – решительно, – и была единственным человеком на свете, который мог назвать меня «Кэт» и остаться в живых.

– Это ничего не значит, – сказала я. – Он, может, просто думал. Он вообще много думает. Это его основное занятие.

– Кать. Мужчины не думают, глядя женщине вслед. Мужчины, глядя женщине вслед, смотрят женщине вслед. Ну и, возможно, оценивают ее, так сказать, булочки.

– Лен, это Грановский.

– А Грановский что, не мужчина?

Я открыла рот, чтобы возразить, и вспомнила мокрую белую ткань, проступающую под ней грудь, ладонь на талии, две лишние секунды. И закрыла рот.

Лена прищурилась. Она всегда прищуривалась так, когда видела у пациента проблемы, которые тот пытался скрыть.

– Та-а-ак, – протянула она.

– Ничего не «так».

– У тебя уши красные.

– Это вино.

– Ты выпила полбокала. И от белого уши не краснеют.

– У меня краснеют.

Лена откинулась на спинку стула и посмотрела на меня с нежностью, с какой смотрят на безнадежных.

– Ладно. Расскажи мне еще раз про «Компас». Только честно. Не так, как ты рассказываешь на корпоративах.

Я налила себе еще вина. Если уж говорить про «Компас», то не на полбокала.

* * *

«Компас» был моим первым настоящим проектом.

Платформа для маленьких частных клиник – тех, что занимают полэтажа в жилом доме, где регистратура одновременно и бухгалтерия, а запись к врачу ведется в тетрадке с котиком на обложке. Мы делали для них все: онлайн-запись, медицинские карты, напоминания пациентам. Я год собирала команду – одиннадцать человек, лучших, кого смогла найти. Мы работали по ночам, ели пиццу на полу, придумывали названия для кнопок до хрипоты. У нас было сорок клиник в очереди на подключение. Сорок.

За день до показа совету директоров Филипп Грановский – тогда еще не технический директор, а просто ведущий архитектор, – отправил совету письмо. Не мне. Совету. Минуя меня, минуя мою команду, минуя хоть какое-то подобие человеческого разговора.

Я так и не увидела этого письма целиком. Мне пересказали только вывод: «архитектура не выдерживает нагрузки», «риски для персональных данных пациентов», «требуется переработка не менее шести месяцев». На совете я начала презентацию – и через четыре минуты Громов поднял руку и сказал: «Катя, мы прочитали заключение Филиппа. Давайте поговорим о том, что делать дальше».

Что делать дальше, решили без меня.

Проект закрыли. Команду расформировали. Утром у Игоря, Марины и Славика не сработали пропуска. Меня оставили – «перевели на аналитику», что в переводе с корпоративного

означало «посиди в углу и подумай о своем поведении». Я сидела в углу год. Я научилась делать идеальные отчеты. Я научилась улыбаться Грановскому в лифте. Я научилась не плакать, когда видела в соцсетях, как кто-то из моих ребят пишет, что ищет работу.

– Он ни разу, – сказала я Лене, – ни разу не подошел ко мне. Ни до, ни после. Не сказал: «Катя, у тебя проблема, давай посмотрим». Не сказал: «Мне жаль». Просто нажал «отправить». И пошел обедать.

– Откуда ты знаешь, что пошел обедать?

– Я не знаю. Но он похож на человека, который после такого пошел бы обедать. Суп, второе, компот. По расписанию.

Лена задумчиво крутила бокал за ножку.

– А он был прав? – спросила она.

Вопрос упал на стол, как монетка, и покатился.

– В смысле?

– Ну, архитектура. Риски. Он был прав?

Я молчала. Это был вопрос, который я три года не задавала себе вслух. Иногда, ночью, он подкрадывался сам – в ту минуту между сном и явью, когда мозг уже не может защищаться. Я видела, как через полгода после закрытия «Компаса» у одного нашего конкурента утекли данные пациентов из похожей системы. Я читала новости и чувствовала что-то очень неприятное. Не облегчение. Не злорадство. Что-то вроде холода в животе.

– Возможно, – сказала я наконец. – Возможно, в чем-то был.

– Но?

– Но так не делают, Лен. Даже если ты прав. Особенно если ты прав. Ты подходишь к человеку и говоришь ему в лицо. Даешь ему шанс исправить. А не… – Я махнула рукой. – Не стреляешь в спину и не идешь обедать.

Лена кивнула. Помолчала. Потом взяла со стола мой телефон.

– Эй, – сказала я.

– Тихо, – сказала Лена. – Я лечу.

– Ты стоматолог.

– Я лечу все, что во рту. А у тебя во рту, Кэт, уже три года одно и то же слово. Грановский, Грановский, Грановский. Это хроническое. – Она что-то нажимала на экране. – Тебе нужен собеседник.

– У меня есть собеседник. Ты.

– Я в одиннадцать сплю, у меня в восемь первый пациент. А тебе нужно с кем-то говорить в полночь. С кем-то, кто тебя не знает, не работает с тобой, не видел, как ты облила технического директора…

– Он сам облился!

– …и кто не будет тебе сочувствовать из вежливости. – Лена развернула телефон экраном ко мне. – Вот.

На экране была заставка – теплая, янтарная, как свет лампы на кухне. Две чашки, нарисованные одной линией. И надпись: «Между нами»

– Это что? – спросила я с подозрением.

– Приложение. У меня там сейчас куча знакомых сидит. Там нет фото, нет имен, нет голосовых, ничего. Только текст. Пишешь в общий вечерний поток, кто-то отвечает, если хочешь – уходите в личный чат. Через семь дней чат исчезает. Если оба не нажмете «Оставить».

– Как в поезде, – сказала я. – С попутчиком.

– Как в поезде. Рассказываешь незнакомцу все, а потом выходишь на своей станции. Очень полезно для зубов. Скрежетать меньше будешь.

– Лен, мне тридцать четыре года. Я не буду сидеть в анонимном чате.

– Будешь. Нужен никнейм. – Лена задумалась. – «Королева»?

– Нет, слишком… с претензией. Давай добавим немного самоиронии – пусть будет «Королевишна».

– Как скажешь. – Она напечатала. Нажала. Протянула мне телефон обратно с видом хирурга, закончившего операцию.

– Поздравляю. Ты зарегистрирована. Пароль – дата рождения твоего папы, ты все равно другие не помнишь.

– Я это удалю, – сказала я.

– Удаляй, – легко согласилась Лена, допивая вино. – Но сначала напиши хоть одно сообщение. Одно. Как домашнее задание.

* * *

Лена ушла в половине одиннадцатого. Я вымыла бокалы, убрала сыр, проверила почту – три письма от Грановского, все с темой «Техзадание. Вопросы», все отправлены после девяти вечера, все безупречно вежливые и совершенно невыносимые, – и легла в кровать с твердым намерением удалить приложение.

Я открыла его, чтобы удалить.

Вечерний поток был похож на полутемный бар, где все сидят за отдельными столиками и разговаривают сами с собой – но так, чтобы их слышали.

«Сегодня уволилась. Боюсь сказать маме».

«Кто-нибудь знает, нормально ли в 40 лет начать учиться играть на виолончели?»

«Мой кот съел мой пропуск. Я не шучу».

«Не могу уснуть третью ночь. Просто напишите мне что-нибудь».

Я листала минут десять. Потом двадцать. Люди писали о бывших мужьях и будущих детях, о начальниках и соседях, о сломанных стиральных машинах и разбитых сердцах. Кто-то отвечал им – коротко, тепло, иногда смешно. Никто никого не знал. Никто ничего не боялся.

Я посмотрела на свой никнейм – «Королевишна». Совершенно дурацкий. И зачем Лена втравила меня в это?

Было без пятнадцати двенадцать, пора бы и спать – завтра будет тяжелый день. В соседней квартире кто-то включил стиральную машину. За окном проехала поздняя машина, и по потолку прошел свет фар – слева направо, как стрелка часов, которую кто-то очень торопит.

Я подумала о Даше, которая плакала, притворяясь, что от аллергии. О фото папы на последнем слайде. О теплой ладони, которая задержалась на моей талии на две секунды. О том, как он сказал: «Поэтому я и волнуюсь за ваш запуск».

Волнуется он. Как же.

Я нажала «Написать в поток» и набрала, не давая себе времени передумать:

«Я начинаю ненавидеть человека, который, возможно, прав».

Палец завис над кнопкой.

Три года я не говорила этого вслух. Ни Лене, ни папе, ни зеркалу в ванной. «Возможно, прав». Два слова – и вся моя оборона трещит, как старая дамба.

Но здесь никто не знал, кто такая Королевишна. Здесь можно было.

Я нажала «Отправить» и быстро, пока не успела испугаться, положила телефон экраном вниз на тумбочку.

Он молчал минуту, две, пять. Я лежала в темноте и смотрела в потолок, где больше не мелькали полосы света, и чувствовала себя ужасно глупо и почему-то очень легко.

Никто не ответил. Моя фраза медленно уплывала вниз по потоку – под чужие уволенные работы, съеденные пропуска и бессонницы, – пока не скрылась совсем. Где-то там, в темноте, среди тысяч незнакомцев, она теперь лежала, как записка в бутылке.

Я уснула, так и не удалив приложение.

Мне снилась белая рубашка, медленно темнеющая от кофе. Чья-то мимолетная улыбка, про которую и не поймешь, улыбка ли это. И чья-то ладонь – теплая, уверенная – которая никак не хотела отпускать.

ГЛАВА 3. НЕВОЗМОЖНЫЙ ПАРТНЕР

Филипп

Она опоздала на семь минут.

Я знаю это не потому, что смотрел на часы. Я смотрел на дверь. Часы просто висели рядом.

Переговорная «Байкал» – самая маленькая на этаже. Стол на шестерых – и то если эти шестеро не слишком дорожат своими личными границами. Окно во двор, где растет клен, который почему-то каждый год желтеет на две недели раньше остальных. Кофемашина в углу – та самая, о которой, как думает Екатерина Королева, знают только пять человек.

На самом деле знают шесть. Я ее туда и поставил. Четыре года назад, когда «Байкал» был моим кабинетом, пока я не переехал наверх. Я никогда никому об этом не говорил. Мне нравилось, что она думает, будто это ее секрет.

В девятнадцать ноль семь дверь распахнулась, и вошла она – с ноутбуком под мышкой и выражением лица человека, пришедшего на переговоры о капитуляции противника.

– Пробки, – сказала она вместо «здравствуйте».

– Ваш кабинет – в тридцати метрах по коридору, – сказал я. – А я спускался с девятого этажа и успел.

– В коридоре тоже бывают пробки. Из людей. В семь вечера все идут домой.

Она молча прошла к кофемашине, налила себе кофе и села напротив. Поставила стакан – на безопасном расстоянии от меня, с демонстративной аккуратностью, – и открыла ноутбук. На ней было что-то темно-зеленое, мягкое, с рукавами, которые она тут же закатала до локтей, как будто собиралась не обсуждать техзадание, а мыть полы. Волосы, утром собранные в строгий узел, к вечеру слегка растрепались и выбились у висков.

Я отметил это – я отмечаю все, профессиональная привычка. Я двенадцать лет ищу ошибки в чужом коде, и мой мозг давно не умеет смотреть на мир иначе – только как на систему, в которой что-то может пойти не так. Выбившиеся волосы – значит, тяжелый день. Закатанные рукава – значит, собирается драться. Стакан на безопасном расстоянии – значит, помнит про утро.

Ничего личного.

– Начнем с аптек, – сказала она.

– Начнем с голосовых напоминаний, – сказал я.

Мы посмотрели друг на друга.

– Хорошо, – сказала она, – давайте с голосовых, раз вы так хотите. Голосовые напоминания нужны. Это не обсуждается. Мой отец…

– Ваш отец видит экран телефона?

Пауза.

– Видит. В очках.

– А очки он находит?

Вторая пауза. Длиннее. Ее губы дрогнули – кажется, против ее воли.

– Не всегда, – признала она.

– Значит, голосовые нужны, – сказал я. – Согласен. Но не в первой версии. Синтез речи – это отдельная интеграция, отдельное тестирование и отдельный способ все сломать. Если голос скажет «примите две таблетки» вместо «примите таблетку в два часа», я не хочу объяснять это совету директоров. И вашему отцу.

Она открыла рот, чтобы возразить, – я видел, как она набирает воздух, – и вдруг закрыла его.

– Во второй версии, – сказала она медленно. – Через месяц после запуска. Это – мое условие.

– Через два.

– Через полтора. И вы даете мне двух человек на аптечную интеграцию.

– Одного.

– Двух. Или я иду к Громову и говорю, что вы саботируете совместное руководство.

– Вы не пойдете.

– Почему вы так уверены?

– Потому что тогда он решит, что вы не справляетесь со мной, – сказал я. – А вы скорее съедите этот стакан, чем дадите ему так подумать.

Она уставилась на меня. Уши у нее порозовели – я заметил это еще утром, на совете, и записал куда-то в дальний угол памяти: у Королевой краснеют уши, когда она злится. Или когда попадаешь в точку. Или и то, и другое.

– Двух, – повторила она очень тихо.

И я, к собственному удивлению, кивнул.

– Двух. Но с отчетами каждую пятницу.

– Каждую вторую пятницу.

– Каждую пятницу, Екатерина. Это не переговоры. Это тестирование.

Она фыркнула – коротко, по-кошачьи – и что-то записала в блокнот. Бумажный блокнот, толстый, в потертой коричневой обложке. В компании, где все давно перешли на планшеты, она писала от руки. Быстрым наклонным почерком, с нажимом. Я прочитал вверх ногами: «Ф.Г. – 2 чел. (выбила!!!)». Три восклицательных знака.

Я опустил глаза в свой ноутбук, чтобы она не увидела, что я улыбаюсь.

* * *

К девяти мы разобрали аптеки, уведомления для родственников и экран входа. К десяти поругались из-за цвета кнопки «Принял лекарство» – она хотела зеленую, я говорил, что люди с нарушением цветовосприятия не отличат ее от красной «Пропустить», – и помирились, когда она вдруг сказала: «А если не цвет, а форма? Галочка и крестик. Большие». И я подумал, что это, вообще-то, лучшая идея за вечер. Я не сказал ей этого. Я сказал: «Допустимо».

Она посмотрела на меня так, будто я выдал ей орден.

Где-то после десяти она сбросила туфли.

Я понял это по звуку – тихий двойной стук под столом, – и по тому, как она вдруг откинулась на спинку стула и вытянула ноги. Ее ступня, в тонком черном капроне, на секунду коснулась моего ботинка. Совершенно случайно. Она даже не заметила. Она грызла колпачок ручки – синий, пластиковый, уже изрядно изжеванный – и смотрела на экран, где висела схема уведомлений, шевелила губами, что-то пересчитывая.

А я заметил.

Я сидел, смотрел на нее и думал о том, что за три года, что мы работаем в одном здании, я ни разу не видел ее такой: без туфель, с растрепанными волосами. С синим колпачком во рту. На совещаниях она – лезвие. В лифте – ледяная вежливость. В коридоре – каблуки, от которых у половины моих разработчиков начинается тахикардия. А здесь, в маленьком «Байкале», в одиннадцатом часу, она была просто… очень уставшей, очень упрямой и очень живой женщиной, которая считает что-то в уме, шевеля от усердия губами.

Это было неудобное наблюдение. Я отложил его в сторону, как откладывают баг, который не хочется чинить прямо сейчас.

– Вот здесь, – сказала она и, не вставая, потянулась через стол к моему ноутбуку. – Здесь не так. Если у бабушки три лекарства в одно время, вы шлете три уведомления?

– Одно. С тремя пунктами.

– А если она отметит только два?

Она была совсем близко. Ее волосы почти касались моей щеки. От нее пахло кофе, бумагой и чем-то еще – не духами, нет, чем-то теплым и простым, как нагретое солнцем дерево. Я вдруг совершенно забыл, что будет, если бабушка отметит только два лекарства.

– Филипп?

– Повторное уведомление через пятнадцать минут, – сказал я. Голос, к счастью, прозвучал нормально. – Только по третьему.

– А если она его не заметит?

– Через тридцать минут – сообщение родственнику.

– А если родственник – это я, и я на совещании с вами, и у меня выключен звук?

– Тогда, – сказал я, – вы его включите. Потому что я буду знать, что у вас пожилой отец, и не буду проводить совещания после семи.

Она замерла. Медленно отодвинулась обратно на свою сторону стола. Посмотрела на меня – внимательно, чуть прищурившись, будто я был задачей, которая вдруг перестала сходиться.

– Мы сейчас на совещании после семи, – сказала она.

– Я заметил.

– И вы сами его назначили.

– Я заметил и это.

Она молчала секунду. Потом вдруг рассмеялась – коротко, удивленно, как будто смех застал ее врасплох и она не успела его остановить. И тут же закрыла рот ладонью, словно это было неприлично. Смеяться со мной, в «Байкале», в одиннадцатом часу.

Смех у нее был низкий и хрипловатый. Совсем не такой, как я представлял. А я, выходит, представлял.

Это тоже было неудобное наблюдение.

* * *

Есть вещь, о которой она не знает. Есть несколько вещей, но эта – главная.

Три года назад я отправил то письмо совету, потому что был прав. Я и сейчас уверен, что был прав. Архитектура «Компаса» держалась на честном слове и героизме одиннадцати очень талантливых людей, которые не спали полгода. Медицинские карты пациентов лежали в базе, которую можно было вскрыть за вечер – я проверил. Сам. В субботу. Сорок клиник готовились подключиться. Сорок клиник, тысячи людей, их диагнозы, их анализы, их телефоны.

Через полгода у конкурентов, у которых все было устроено почти так же, утекло все. Я читал эти новости и не почувствовал никакого торжества. Только усталость. И что-то еще, чему я не стал давать названия.

Я был прав. Я и сейчас бы закрыл «Компас».

Но я не пошел к ней. Я не постучал в ее дверь и не сказал: «Катя, у тебя дыра в безопасности размером с Пресню, давай вместе». Я написал совету, потому что до показа оставалось двенадцать часов, потому что я знал, как она умеет убеждать, и боялся, что она убедит и меня. Потому что так было быстрее. Потому что так было проще.

Потому что я трус, если быть совсем честным. Но я редко бываю совсем честным с собой после десяти вечера.

Я почти не жалею. Почти.

Это «почти» я ношу с собой три года, как камешек в ботинке. Иногда о нем забываю. Иногда – когда она проходит мимо по коридору, не глядя на меня, и стук ее каблуков звучит как азбука Морзе, в которой зашифровано одно короткое слово, – вспоминаю.

* * *

В половине двенадцатого она посмотрела на телефон, ахнула и начала собираться – быстро, суетливо, нащупывая под столом туфли ногами и совершенно не стесняясь меня.

– У меня метро закрывается… то есть, не закрывается, но последний поезд до пересадки…

– Я могу вас подвезти.

Она замерла с одной туфлей в руке.

– Нет, – сказала она. – Спасибо. Не нужно.

Сказала слишком быстро. Я это тоже отметил.

– Как скажете.

Она обулась, захлопнула ноутбук, схватила сумку и давно пустой стакан – и вылетела за дверь, бросив через плечо:

– Завтра в семь. Продолжаем с ролями доступа. И не смейте ничего менять в схеме без меня.

– Не посмею, – сказал я закрывшейся двери.

Я посидел еще минуту в тишине. Клен за окном был почти не виден в темноте, только одна ветка ловила свет фонаря и казалась вырезанной из меди. Кофемашина тихо щелкнула, остывая. На столе напротив осталось влажное кольцо от ее стакана и синий колпачок от ручки, изжеванный до неузнаваемости.

И блокнот.

Коричневый, потертый, в нем – ее быстрый наклонный почерк. Она забыла его на стуле, под сумкой, которую так торопливо схватила.

Я должен был закрыть его не глядя. Отнести в ее кабинет. Положить на стол. Порядочный человек сделал бы именно так.

Блокнот лежал открытым.

На развороте, рядом с записью «Ф.Г. – 2 чел. (выбила!!!)», был рисунок. Быстрый, на полях, синей ручкой, – но сделанный с такой злорадной любовью к деталям, что я на секунду замер.

Еж. В пиджаке. С очень прямой спиной и очень серьезной мордой. Еж держал перед собой табличку, на которой крупными буквами было написано: «НЕТ». Под ежом стояла подпись: «Ф.Г. Согласовано: никогда».

У ежа были длинные ресницы.

Я смотрел на этот рисунок, наверное, минуту. Потом засмеялся – вслух, один, в пустой переговорной, впервые бог знает за сколько времени, – и сам испугался своего смеха.

Похоже. До неприличия похоже.

Особенно ресницы.

Значит, она их заметила.

ГЛАВА 4. ГРАФ

Филипп

Денис позвонил, когда я выходил из лифта на парковке.

– Ты где? – спросил он вместо приветствия. На фоне гремела музыка и кто-то смеялся так, как смеются только после третьего коктейля.

– На работе.

– Без пятнадцати двенадцать.

– Я в курсе, который час.

– Грановский, – сказал Денис с той интонацией, с какой врачи сообщают диагноз, – ты в курсе, который час, но не в курсе, какой сейчас год. Приезжай. У меня новый бармен, он делает «Негрони» лучше, чем ты пишешь код.

– Это невозможно.

– Вот приезжай и проверь.

Он отключился. Он всегда отключался первым – чтобы у меня не было шанса отказаться. Двадцать лет дружбы, с первого курса, с драки за последнюю булочку с изюмом в институтской столовой, – и за все двадцать лет я так и не научился отказывать Денису.

Я сел в машину, положил портфель на соседнее сиденье и некоторое время просто сидел, глядя на бетонную стену парковки.

В портфеле лежал ее блокнот.

Я собирался оставить его на ее столе. Честно собирался. Поднялся на ее этаж, прошел через темный опенспейс к ее кабинету, взялся за ручку – и не смог. Не потому, что дверь была заперта. Дверь была открыта. А потому, что вдруг представил, как она утром увидит блокнот, раскрытый на ежике с ресницами, и поймет, что я его видел. И что ей будет неловко. А мне почему-то не хотелось, чтобы ей было неловко.

Поэтому блокнот лежал у меня в портфеле. Как улика. Как бомба с часовым механизмом. Как глупость, которую я совершил по причинам, которые не мог себе объяснить.

Я завел машину и поехал на Бронную.

* * *

Бар Дениса назывался «Вторник», потому что открылся во вторник и потому что, как утверждал Денис, «по вторникам людям хуже всего: понедельник уже позади, а до пятницы еще как до Луны». Маленький, темный, с кирпичными стенами и лампами в медных абажурах. Двенадцать столиков, длинная стойка, на стене – неоновая надпись, которую Денис заказал в Китае и которая из-за ошибки переводчика гласила: «Здесь вам всегда рады, а также суп».

Супа здесь никогда не было.

Денис сидел у стойки в своем обычном виде – рубашка навыпуск, рукава закатаны, борода, которую он отпустил после развода и теперь лелеял, как сад. Увидев меня, он раскинул руки:

– Граф! Ваше сиятельство соизволили!

– Не называй меня так.

– Буду. Ты в этом пиджаке выглядишь так, будто сейчас вызовешь кого-нибудь на дуэль. Садись. Артем, – крикнул он бармену, – два «Негрони», и один сделай как для человека, которому срочно нужно стать человеком.

Я сел. Артем, юный и серьезный, с татуировкой в виде шестеренки на запястье, поставил передо мной стакан. Я сделал глоток.

– Ну? – спросил Денис.

– Неплохо.

– «Неплохо» в твоем исполнении – это «гениально, я плачу». Артем, ты слышал? Тебе премия. – Денис повернулся ко мне и прищурился. – Ты чего такой?

– Какой?

– Не знаю. Странный. Обычно ты приходишь как грозовая туча – тяжелый, хмурый, и Артем на всякий случай убирает подальше бокалы. А сейчас ты как… – Он пощелкал пальцами, подбирая слово. – Как туча, которая вдруг взяла и пропустила солнце. Это пугает.

– Ничего не случилось. Работали допоздна.

– С кем?

Я помолчал секунду дольше, чем следовало.

Денис отставил стакан.

– Так, – сказал он. – С кем?

– С Королевой.

– С той самой? Которую ты три года назад…

– Да.

– С которой ты в лифте делаешь вид, что изучаешь кнопки?

– Я не делаю вид. Я действительно изучаю кнопки.

– Грановский, там шесть кнопок. Ты их изучил в первый день. – Денис наклонился ко мне. – И как?

– Громов поставил нас вместе на запуск. Совместное руководство. Если через три недели не договоримся – уволит обоих.

– Это я слышал, весь Telegram-канал твоей конторы об этом гудит. – Денис отмахнулся. – Я спрашиваю, как. Как она?

Я посмотрел в стакан. Вспомнил двойной стук туфель под столом. Синий колпачок. Хрипловатый смех, который она прикрыла ладонью. Ежика с ресницами.

– Нормально, – сказал я.

Денис смотрел на меня очень долго. Потом откинулся назад и захохотал так, что Артем уронил барную ложку.

– Ты пропал, – выдохнул он, вытирая глаза. – Граф, ты пропал. Я двадцать лет тебя знаю, и ты никогда, ни разу в жизни не говорил «нормально» таким голосом.

– Каким голосом?

– Таким, будто это слово весит сто килограммов, и ты его еле поднял.

– Денис. Это рабочие отношения.

– Конечно. – Он кивнул с преувеличенной серьезностью. – Абсолютно. Рабочие. Самые рабочие отношения в мире. Дай телефон.

– Зачем?

– Дай, говорю.

Я, сам не знаю почему, дал. Наверное, «Негрони» Артема действительно был очень хорош.

Денис что-то быстро набирал, бормоча себе под нос.

– Что ты делаешь?

– Спасаю тебе жизнь. Мне сестра это поставила после развода. «Между нами» называется. Приложение для тех, кому не с кем поговорить в полночь. Нет фоток, нет имен. Только текст. Ты пишешь, тебе пишут. Люди там, знаешь, какие? Нормальные. Живые. Не как твои сервера.

– Мне не с кем поговорить в полночь, потому что в полночь я сплю.

– Сейчас без двадцати час, Граф, и ты сидишь в баре. – Денис протянул мне телефон. – Все. Ты зарегистрирован.

На экране была янтарная заставка, две чашки, нарисованные одной линией. И мой никнейм.

«Граф».

– Нет, – сказал я.

– Да.

– Я это поменяю.

– Там нельзя менять, – соврал Денис, не моргнув. – Один раз и навсегда. Как татуировка.

– Денис.

– Ты Грановский. У тебя осанка как у человека, у которого крепостные. Ты говоришь «допустимо» вместо «отлично» и «неплохо» вместо «гениально». Ты граф, смирись. – Он хлопнул меня по плечу. – Попробуй. Один раз. Найди кого-нибудь, кому так же плохо, как тебе, и скажи ему что-нибудь умное. У тебя же хорошо получается говорить умные вещи. Плохо получается только говорить их вовремя и тем, кому нужно.

Это было сказано легко, мимоходом, между двумя глотками. Но попало точно. Денис вообще умел попадать – как будто всю жизнь тренировался на мне.

Я убрал телефон в карман.

– Я его удалю, – сказал я.

– Удаляй, – легко согласился Денис. – Артем! Еще два!

* * *

Домой я вернулся в половине второго.

У меня просторная квартира на Академической, в старом кирпичном доме с высокими потолками и тихим двором. Ее мне помогала подобрать мама, когда я наконец начал прилично зарабатывать, – «чтобы у тебя был дом, Филя, а не берлога», – и обставила по своему вкусу. Светлые стены, деревянный пол, книжные полки до потолка, огромный диван, на котором я ни разу не сидел с кем-то вдвоем. Мама надеялась, что дом сделает из меня семейного человека. Дом не справился.

Я разделся, принял душ, лег. Спать не хотелось совершенно. В голове крутилась схема уведомлений, синий колпачок, «ваш отец находит очки?» – «не всегда». И это ее «не всегда», сказанное так тихо, что я едва расслышал.

Я взял телефон, чтобы удалить приложение.

Открыл.

Вечерний поток в половине второго ночи был похож на вокзал, где все ждут поезда, которые уже не придут. Кто-то не мог уснуть. Кто-то писал бывшему и не отправлял. Кто-то спрашивал, можно ли разлюбить человека за один день. Кто-то просто писал «привет» – раз в несколько минут, и никто ему не отвечал.

Я ответил ему «привет». Не знаю зачем. Он не ответил.

Я пролистал вниз – к вчерашним записям, тем, что уже уплыли и почти утонули. Там было тише. Там было то, что люди написали и уже, наверное, пожалели.

И там я ее нашел.

«Я начинаю ненавидеть человека, который, возможно, прав».

Королевишна. Двадцать пять часов назад. Ноль ответов.

Я смотрел на эту фразу, и у меня было странное ощущение – как будто я подошел к окну и увидел в стекле не улицу, а свое отражение. «Человек, который, возможно, прав». Сколько людей могли бы написать это обо мне? Половина моих разработчиков. Бывшая жена, хотя она бы вычеркнула «начинаю», да и вторую половину предложения, пожалуй, тоже. И, конечно, она. Королева. Которая, наверное, прямо сейчас спит на Бауманской, и ей снится, как она подписывает мое заявление об уходе.

Интересно, подумал я, что бы я сказал, если бы она когда-нибудь сказала мне это в лицо. Не «вы саботируете совместное руководство». Не «сервер не понимает метафор». А вот это, простое и честное: «Я начинаю тебя ненавидеть, потому что ты, возможно, прав».

Я бы, наверное, растерялся. Я не умею отвечать на честность. Я умею отвечать на аргументы.

Королевишна – кто бы она ни была – не приводила аргументов. Она просто сказала. В пустоту. И пустота ей не ответила.

Мне вдруг стало ее жаль. Незнакомую женщину, которая сутки назад лежала, наверное, вот так же, как я, в темноте, и написала в пустоту фразу, на которую ей не ответили.

Я нажал «Ответить».

Стер, написал снова и снова стер. Мои пальцы привыкли писать «прошу согласовать» и «обратите внимание на риски». Они не привыкли писать незнакомкам в половине второго ночи.

Наконец я набрал:

«Возможно, прав – не значит, что заслуживает ненависти. Или заслуживает?»

Отправил – и тут же почувствовал себя идиотом. Посту двадцать пять часов, она давно спит и давно о нем забыла. Она, может быть, удалила приложение, как я собирался удалить свое. Это был ответ в бутылке, брошенный вслед другой бутылке, – и океан был очень большим.

Я положил телефон на тумбочку экраном вниз и закрыл глаза.

Телефон вздрогнул меньше чем через минуту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.